

ЮРОДИВАЯ КСЕНИЯ

Ее стихи мудры и прекрасны, а судьба — тяжелейшая, как и у большинства поэтов. Ксения НЕКРАСОВА — одно из самых тихих имен в поэзии XX века. Уникальное явление в русской лирике — диковинное, одинокое, не вмещающееся ни в какие рамки и не укладывающееся в литературные термины. Ее верлибры близки наивной живописи

Она всем рассказывала о своем «великолепном детстве»: «Отец был горным инженером, жили между Ирбитом и Шадринском, вблизи егоршинских каменных полей...» На самом деле подлинная ее автобиография такова: «Родилась в 1912 году. Родителей своих не помню. Взята была из приюта семьей учителя на воспитание...»

Из раннего детства ей запомнилось, что иногда к ней приезжала очень красивая, хорошо одетая дама, привозила дорогие подарки. Кто эта дама — ей не говорили. Потом она помнила эпизод: ее, маленькую, привели в лесной скит, где собралось много народу. И священник, подняв ее на руки, перекрестил ею толпу.

Позже ей кто-то сказал, что она — дочь Григория Распутина или одной из дочерей царя Николая... У нее двойное имя — Ксения-Татьяна.

Юность ее прошла на Урале. Окончила семилетку, училась в педтехникуме, потом служила культработником на Уральском заводе тяжелого машиностроения. В 1935 году Свердловский обком комсомола направил Ксению учиться в Москву, в Литературный институт.

В 37-м вышла первая подборка стихов Ксении Некрасовой в журнале «Октябрь».

Печатали Ксению и в других изданиях. Но закончить институт ей не удалось — началась война. Вместе с войной пришло горе. С мужем, горным инженером, и грудным сыном Тарасиком они ехали в эвакуацию. Когда начали бомбить, всех ехавших высадили в поле, и осколком — прямо у Ксении на руках — убило ее сынишку. Муж вскоре сошел с ума. Ксения же после всего пережитого получила травматический энцефалит и уже больше не могла работать. Руки не слушались ее. Отсюда этот детский почерк, неровные строчки, грамматические ошибки. Отсюда незащищенность и простодушное доверие к миру. Впрочем, эти качества были присущи ей всегда.

Михаил Пришвин писал в дневнике, что у Ксении Некрасовой, «у Хлебникова и у многих таких души сидят не на месте, как у всех лю-

дей, а сорваны и парят в красоте».

Но жизнь — вещь жестокая. Ксению нередко принимали за сумасшедшую, сторонились ее, гнали от себя. Бедно одетая, почти всегда голодная, Ксения вызывала брезгливую жалость.

Однажды в редакции «Нового мира» Маргарите Алигер показали верстку стихотворений Ксении Некрасовой, и те очень ей понравились. Она сказала об этом вслух, но, когда заведующая отделом поэзии предложила сказать то же самое автору, Алигер отказалась: «Это совсем другое: стихи и их автор. Я с ней общаться не умею. Не получается как-то... Все-таки она... — идиотка!»

А Ксения была рядом. Все слышала. «Сказать, что я растерялась, это значит ничего не сказать, — с горечью вспоминает М. Алигер. — Сказать, что я пришла в ужас, это тоже очень мало и бледно. Я не помню в жизни своей какой-либо хоть отдаленно похожей минуты. У меня словно железом перехватило горло, и из глаз брызнули слезы...»

— Ксения... Ксения... Ксения... Простите, простите меня! — лепетала я, задыхаясь от стыда, от муки, от страдания... Я схватила ее за руку, я готова была прижать к губам эту плотную, широкую, чистую ладонь, и она не отнимала ее, продолжая улыбаться. И вдруг сказала громко, просто и отчетливо:

— Спасибо вам. Спасибо, что вы так хорошо говорили о моих стихах.

И были в этих словах такая чистота и отрешенность, такое покойное и непобедимое человеческое достоинство, которые я никогда с тех

пор не могу ни забыть, ни утратить...»

Да, ее считали юродивой, да, порой она выглядела нелепо, странно. Ей негде было ночевать, и иногда она не хотела уходить из понравившегося ей дома. Просила, чтобы ее накормили. Радовалась каждому доброму слову, каждому крохотному подарку.

Конечно, Ксении помогали, но мало кто думал о ее судьбе по-настоящему. Когда стало совсем невмоготу, она написала письмо Поскребышеву. Как страшно читать эти пляшущие строчки! Вся жестокость сильных в их превосходстве над слабыми, убогими, просто не такими, как все, встает перед нами:

«В 1948 году меня перестали печатать, объясняя свой отказ тем, что стихи, написанные белым стихом, будут непонятны массам, что они больше относятся к буржуазным, то есть к декадентской западной литературе, а не к нашей простой действительности... Несколько лет мне ставят нелепые барьеры, и я бьюсь головой о стенку...»

Из записки Симонову: «Константин Михайлович, я гибну, одной не выбраться, помогите мне, пожалуйста...»

В конце жизни короткое счастье Ксении Некрасовой все же улынулось. Она родила мальчика, мечтала о том, как им будет хорошо вместе. Но жить по-прежнему было негде, и Кириюшу пришлось временно отдать в детский дом. Желанную комнату дали совсем незадолго до ее смерти. Ксения не успела привезти туда сына. Однажды, возвращаясь домой, она вдруг почувствовала себя плохо и упала на лестнице — не выдержало сердце.

Было ей всего 46 лет. «Мой современник нежный», — обращалась Ксения Некрасова к людям своей эпохи. А мы? Услышим ли мы чистый голос большого русского поэта?

● Наталья САВЕЛЬЕВА

106

